

Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал,
В голос пандури влюбленный,
Тихо псалмы напевал.
В молитве его и песне,
Как солнечный луч чиста,
Звучала мелодия чести,
Божественная мечта.
Сердца, обращенные в камень,
Будил вдохновенный напев,
Надежды и веры пламень
Вздымался выше дерев.
Но люди, забывшие правду,
Хранящие в душах тьму,
Вместо вина отраву
Налили в бокал ему.
Сказали:
Иди обратно.
Отраву испей до дна.
Молитва твоя чужда нам
И правда твоя не нужна.

*Джугашвили И.
«...И к злодеям причтен»*

Есть одна восточная притча о мудреце. Не суть, о чем она (точнее, сюжет ее зело похабен), а мораль ее в том, что нельзя класть весь груз, который должен везти ишак, в один вьюк, а надо распределять его поровну с обеих сторон седла. Между тем у нас сплошь и рядом мажут людей и эпохи одной краской: черной так черной, золотой так золотой, время от времени меняя смолу и золото местами, но не смешивая. На наших глазах «проклятые времена царизма» сменились золотой «Россией, которую мы потеряли», а кумачовое время больше-

виков, о котором, как сказал поэт, будут плакать по ночам мальчики иных веков, теперь так густо замазано черным, что вроде бы и вообще времени в истории страшнее не было. Стоит ли удивляться, что исторический наш ишак давно уже не в силах на ноги подняться, а лишь беспомощно с боку на бок перекатывается. А между тем факты искать не надо, они лежат на поверхности, и лишь всеобщее наше незнание — а главное, непонимание! — истории позволяет «желтым» исследователям и писателям, делающим себе имя на смаковании «страшных преступлений» любого рода, так долго дурачить такое большое количество людей, население целой страны.

Едва ли в многострадальной нашей истории на чей-либо портрет было столь щедро отпущено черной краски, как на портрет Сталина. За ним вообще не признавали никаких достоинств. Он был одновременно ограниченной посредственностью и суперзлодеем, трусливым параноиком и упивавшимся кровью палачом. Потом, постепенно, начали признавать хотя бы очевидное. Сейчас уже никто не спорит, что это человек, мягко говоря, незаурядный, прошли те времена, когда на все лады перепевалось высказывание Троцкого о том, что Сталин — «самая выдающаяся посредственность». Скрипя зубами, даже историки демократического толка признают, что его правление принесло России как минимум много хорошего, а как максимум спасло нашу страну от исчезновения с карты мира. Для этого, правда, понадобилось предать гласности мнение Черчилля о Сталине — у нас ведь смеют свое суждение иметь только после того, как такое же суждение выскажет кто-нибудь

известный на Западе. Но теперь дебаты по этому поводу позади, и наконец-то общественное мнение признало его выдающимся правителем, а может быть, даже великим.

И вот его признали выдающимся, великим и пр. Но почему-то все, кто пишет о Сталине как о человеке (кроме коммунистических иконописцев, но какое отношение имеют их писания к реальному Сталину?), практически все ищут объяснение загадки его личности на путях зла. Человек дурной, человек страшный, но тем не менее принесший некоторое количество добра, ибо его жизнь напрямую зависела от жизни державы. Может быть, он эту державу даже любил этаким страшно-ватой любовью тирана. Рассматривают его как совершенного супермакиавелли — несомненно, желающего добра своей стране, но при этом холодного, расчетливого, дальновидного, жестокого, абсолютно не стесняющегося в средствах — такую вот идеальную политическую машину, не ведающую жалости. При этом изошряются в утонченнейшем психологизме, ибо факты ну никак в этот портрет не лезут, а их втискивают, перекручивают, ломают, дают им самые невероятные трактовки, но ни на шаг не отступают от устоявшегося трафарета. Так уж устроен человек, что из каждой многократно повторенной истины творит себе кумира.

А между тем факты, факты... Им ведь можно дать разное истолкование. И вот что интересно — если представить себе на месте холодного злодея бескорыстного романтика, одержимого мечтой сделать людей счастливыми (но не дурака, какими обычно изображают таких людей, а умного роман-

тика), то видишь, что факты ложатся в этот портрет не хуже, чем в общепринятый, и даже лучше, и много лучше... Если предположить, что это был очень хороший человек, и подумать: а как бы он действовал, то видишь, что он делал бы как раз то и так, как реальный исторический Сталин. Впрочем, еще шестнадцать лет от роду он сам предсказал свою судьбу в полудетском романтическом стихотворении. И действительно, он пришел в революцию ради «божественной мечты» о всеобщей справедливости, сумел взметнуть выше дерев пламень надежды и веры целого народа и погиб от рук людей, хранящих в душах тьму, — если не физически, то в памяти потомков. Его имя вычеркнули из книг, но оно проступило между строк, как проступают фрески на беленых стенах собора. Его портрет замазали дегтем, но пришло новое поколение и принялось расчищать деготь, отыскивая под ним рисованный золотом облик Сталина, а под золотом — первозданные краски портрета Иосифа Джугашвили, сына сапожника и прачки из захолустного грузинского городка, поэта, сменившего перо на скипетр, гения, рожденного на соломе и невероятным стечением обстоятельств ставшего владыкой полумира...

Гори

По грузинскому поверью, при рождении великого человека на кровлю дома садится ястреб. Кружились ли ястребы над крышей убогой лачужки в час, когда раздался первый крик Иосифа, — история не сохранила. Если и кружились, то у родителей не было оснований верить в приметы. Это только в сказках сын сапожника становится царем, а в жизни он обычно так и остается сапожником. Кто же знал, что сказка станет былью? Если бы какая-нибудь гадалка рассказала родным мальчика о его грядущей судьбе, над ней бы только посмеялись: знаем, мол, этих гадалок, «быть твоему сыночку царевичем, королевичем, а позолоти ручку, яхонтовый, я тебе еще и не такого наговорю...» Но жизнь иной раз подкинет такой сюжет — никакой писатель не придумает, постесняется...

Будущий владыка полумира впервые увидел свет в захолустном грузинском городке Гори, в семье сапожника и поденщицы, в убогой комнатке убогого домика, которую снимали его молодые родители. Оба — Виссарион и Екатерина — происходили из семей бывших крепостных крестьян. Заканчивался 1878 год, всего-то семнадцать лет назад в Российской империи отменили крепостное право, и мальчик был из первых детей в обеих семьях, что были рождены свободными, — и это в

краю, где свобода и достоинство часто ценятся выше самой жизни!

Предки сапожника Виссариона были родом из осетинского села Гори. Это из тысячекилометрового российского отдаления не видно разницы между грузином и осетином, а на Кавказе, в кипящей многонациональной и многоконфессиональной каше, важен был не только народ, но даже и племя, ответвление этого народа. Позднее поэт Мандельштам напишет про Сталина: «...И широкая грудь осетина» — он бывал на Кавказе и понимал значение племени для жителей гор.

Осетинское происхождение приписывали и матери Иосифа. Впрочем, матери много что приписывали позднейшие биографы, уложившие ее в постель к такому количеству богатых и высокопоставленных особ, что куда там «мисс Грузии», если бы таковая в то время существовала, — даже сам государь император Александр Освободитель не остался равнодушен к прелестям рыжей крестьянки из Гори. Однако никаких не только доказательств, но даже оснований подозревать, что Иосиф Джугашвили не был сыном своего отца, пока еще никто не привел. Так что и мы будем говорить о его предках не по линии императора или путешественника Пржевальского, а по линии сапожника Виссариона Джугашвили.

Известно, что прадед Виссариона, Заза, был человеком беспокойным. Два раза он участвовал в крестьянских восстаниях против князей, два раза бежал, скрываясь от наказания, был соратником князя Эристави, который в начале XIX века поднял антирусский мятеж. Восстание потерпело поражение, а Заза с семьей переселился в селение

Диди Лило, неподалеку от Тифлиса. Первым из Джугашвили, живших в селе, как записано в местных документах, был Иосиф (должно быть, это и есть Заза). Ну и как после этого не поверить в таинственную власть имени?

Одним из детей Иосифа-старшего был Ваню, зажиточный крестьянин-винодел. Он имел виноградник, торговал вином в городе и снабжал им старшего сына Георгия, который держал трактир на проезжей дороге. Второй сын, Виссарион, был еще подростком. Но недолго длилось благополучие семьи. Глава ее умер, не дожив и до пятидесяти, Георгия убили грабители, и младший сын, оставшись сиротой, бежал. Почему он бросил дом и пусть маленькое, но свое хозяйство, — неизвестно. Может быть, долги, или враги, кровная месть — как бы то ни было, после смерти отца и брата он спешно отправился в Тифлис, столицу Кавказа, надеясь затеряться в многолюдном городе. Там Виссарион освоил ремесло сапожника, и, когда ему было около двадцати лет, купец Барамов, решивший открыть сапожную мастерскую, сманил молодого мастера в Гори.

Гори — городок маленький, однако с богатой историей. Это древняя столица Картли, расположенная на скрещении трех важных дорог — к Каспийскому, к Черному морю и в Россию. Еще в 90-е годы XIX века Максим Горький в своих бесконечных странствованиях по России добрался и до этого уголка Кавказа. «Городок в устье Куры невелик, — писал он, — с порядочную деревеньку. Посреди — высокий холм. На холме крепость. На всем колорит какой-то дикой оригинальности: знойное небо над городом, буйные шумные воды

Куры, неподалеку горы, в них пещерный город и еще дальше горы Главного хребта, осыпанные не-тающим снегом».

«Гори» по-грузински означает холм. Легенда гласит, что вершина того холма, что в центре города, в незапамятные времена была местом сражений дэвов¹. Потом здесь воевали друг с другом люди: турки, персы, монголы — кто только не осаждал город. Для защиты от врагов на холме возвели крепость, положив в основание стен кости тех, кто погиб, защищая свою землю от захватчиков, чтобы крепче стояла крепость, чтобы прочнее были стены и непреклоннее люди, чтобы в трудную минуту рядом с живыми вставали мертвые. Грузия — благодатный край, но много желающих завладеть им, и земля ее полита кровью щедрее, чем дождями. Есть у грузин легенда: однажды земля перестала родить хлеб, потому что пропиталась кровью, и тогда люди решили отмыть ее. Но когда они сделали это, когда вымыли всю кровь, то земли не осталось, лишь голые камни.

В России крови пролилось не меньше, но там земли много, и она все впитала и все приняла, а в Закавказье земли мало, и за нее во все времена шла жестокая битва. Грузия всегда воевала, и только с приходом белого царя, с появлением русских на эту землю пришел мир. Однако память о войнах осталась, как осталась память о войнах глубоко в сердцах русских, — не зря же Россия поняла и приняла грузина Джугашвили-Сталина, такого же потомка воинов, как и какой-нибудь Иван из Рязани, которую жгли семь раз да семь

¹ Дэвы, или дивы, — злые духи, фольклорные персонажи народов Азии и Кавказа.

раз восстанавливали. И не зря грузин Джугашвили-Сталин превыше всех ставил русский народ, признавая и называя его старшим братом всех народов, в том числе и своего.

...В то время, когда Виссарион и Екатерина поженились, населения в Гори было всего-то шесть тысяч человек — по нынешним правилам такой населенный пункт не может даже считаться городом, а тогда он был даже уездным центром. Большинство жителей составляли армяне, немного меньше было грузин, остальных народностей совсем мало. Соответственно примерно пополам делилось население города и по вере: в Гори было семь армяно-григорианских храмов и шесть православных церквей. Свою церковь и полторы сотни прихожан имели католики, остальные обходились, как придется. В городе насчитывалось шесть учебных заведений: три начальных училища — городское, духовное православное и духовное армянское, женская начальная школа, женская прогимназия и учительская семинария. Так что не таким уж захолустным был этот городок — какой-никакой, а уездный центр, и учились в нем дети со всего уезда. Да и места были благодатные, недаром неподалеку, в селении Боржоми, находилась резиденция наместника Кавказа, рядом с ней поместья местной знати. Горийские купцы торговали не только с Закавказьем, но и с Азией, и с далекой Европой. Однако вся эта роскошь мало касалась сапожника и его семьи.

Виссарион прижился в Гори: благодатная земля, чистый воздух, ремесло есть, клиенты есть, так

что вскоре он смог открыть свою мастерскую — чего еще желать? Разве что жену. За дело взялись вездесущие свахи и вскоре сосватали ему шестнадцатилетнюю Екатерину Геладзе, Кеке, как звали ее дома, — дочь крестьянина, круглую сироту, которая после смерти родителей вместе с братьями жила у своего дяди в Гори. Жених был хороший: работающий, самостоятельный — какого еще желать? И опекуны девушки согласились сыграть свадьбу.

Родители Иосифа были людьми, по местным понятиям, образованными. Не только Виссарион знал грамоту, но даже Екатерина: оба умели читать и писать по-грузински. Виссарион говорил на четырех языках — впрочем, такие «полиглоты» были не редкостью на многонациональном Кавказе, достаточно эти языки перечислить: грузинский, армянский, русский и тюркский. Екатерина по-русски не говорила.

Они поженились в мае 1874 года, когда жениху было 24 года, а невесте — 16 лет, и через положенные девять месяцев появился на свет их первенец Михаил, который уже через неделю открыл счет могильным плитам семьи Джугашвили на горийском кладбище¹. Второй сын, Георгий, родился в декабре 1876 года и умер от кори, не дожив до семи месяцев. И вот теперь появился на свет третий, Иосиф.

Родился он 6 (18) декабря 1878 года, о чем имеется запись в метрической книге Успенского собора в Гори. Однако дата жизни Сталина отсчиты-

¹ Что, кстати, полностью опровергает легенды о том, что Екатерина была чьей-то любовницей, выданной за Виссариона, чтобы «прикрыть грех».

вается от 9 (21) декабря 1879 года. Этому факту существует много объяснений, одно другого заумнее, но, по всей вероятности, причина проста: в те годы, когда у него не было ни дома, ни семьи, ни имени, в тюремные документы, а оттуда в официальные, а потом и в партийные попали данные одного из многочисленных фальшивых паспортов, с которыми он перемещался по стране. Ему было все равно, что записано в паспорте, лишь бы документ надежный, и когда он заметил ошибку, исправлять было уже поздно. Да и так ли важен какой-то год человеку, который и имя-то свое, данное при рождении, слышал лишь на тюремных переключках?

...В надежде перебить несчастливую судьбу мать сменила кума. «Ты, конечно, человек очень добрый, — сказала она крестившему старших детей Якову Эгнатошвили, — но рука у тебя тяжелая. Так что извини меня, ради бога...» Тот не обижался, ведь правду сказала Кеке. Крестным Иосифа стал Михаил Цихитатришвили.

У нового крестного и в самом деле оказалась легкая рука. Правда, мальчик переболел тифом, который в то время был бичом Закавказья, но не умер. Потом он перенес оспу — и снова выжил, только на память остались рябины на лице, как говорят в любимом им русском народе, на личике черти горох молотили. Впоследствии одной из его кличек было Чопур, что значит «рябой», а еще позднее питерские меньшевики звали его Иоська Корявый, позаимствовав прозвище, данное ему крестьянами в сибирской ссылке. Ну, корявый-то

корявый, да умный, и по женской части тоже на невнимание не жаловался, как в том же русском народе говорят: «Мужик чуть казистей черта — красавец». Так и что с того, что рябой?

Вскоре смерть опять закружилась над головой ребенка: он ушиб левую руку, в суставе началось нагноение, затем заражение крови, и Екатерина не чаяла уже спасти сына, но опять жизнь победила, только рука потом всю жизнь плохо действовала. Здоровья мальчик был слабого, болел часто и много, но цеплялся за жизнь упорно, и детская смертность, которая была в то время в Российской империи тридцать процентов по первому году жизни да тридцать по второму, его в свою черную статистику не включила, отыгралась на братьях.

...Хорошие дома в Гори были на двух-трех улицах внизу. Нижняя часть города считалась богатой, верхняя — бедной. Улочки с неказистыми домишками расползались по горным склонам: летом пыль, осенью грязь. Молодые жили на одной из таких улиц, снимая комнату в крохотном одноэтажном домике — во второй комнате жили хозяева. Стол, четыре табуретки, кровать, буфет да сундук — вот и вся мебелировка. В подвале — кухня, где помещались очаг, стол, табуретка и колыбель. Конечно, не княжеские хоромы, однако по горийским меркам Виссарион обеспечивал семью неплохо. Дело его росло, вскоре появились двое помощников, которые не только работали, но и жили в его семье, однако, несмотря на нахлебников, в доме всегда была еда, было масло, никогда они не продавали вещей, и Екатерине почти не прихо-

дилось работать, разве что время от времени, по случаю.

Едва Сосо научился ходить, как, по примеру прочих детей верхней части города, стал большую часть времени проводить на улице, куда, как горошины из разорванного стручка, с самого утра высыпали ребятишки. Иной раз друзья забегали поиграть и к нему домой, но стоило прийти отцу, высокому, мрачному, с тяжелым взглядом, как ребятишки притихали и старались быстрее убежать на вольный воздух, пугались, чувствуя в мрачном сапожнике какую-то недобрую силу...

Детские игры были под стать древней задаче кавказского воспитания: сделать из мальчиков воинов. Дня не проходило, чтобы Сосо не подрался: иной раз он приходил с улицы побитый, иной раз сам кого-то бил, всякое бывало, однако от честной драки не уклонялся. Дрались один на один, дрались и командами — это называлось «криви». Взрослые в праздники устраивали кулачные бои, ну а для детских игр будней не существует, и мальчишеские драки вспыхивали, как сухая трава от случайной искры, — дрались улица на улицу, дети из нижнего города били «верхних» и наоборот. Все мальчишки имели рогатки и самопалы — горе птицам и всему, что двигалось в зоне видимости прицела! Никто их за это не ругал — так положено, мальчишки должны стрелять, должны становиться бойцами, а не прятаться от жизни за материнскую юбку. Сосо был мал ростом и с большой рукой, однако силен, ловок, играл и дрался не хуже прочих, и если не мог заслужить уважения за силу, то заслужил его за смелость и независимый нрав.

...Недолги были счастливые годы детства. Отец начал пить и постепенно, оправдывая поговорку, стал «пить, как сапожник». Семья кочевала с квартиры на квартиру — нигде хозяева не хотели держать пьяницу. Он еще работал, стучал своим молотком на рыночной площади, но денег домой почти не приносил, спуская их по кабакам. Екатерине пришлось самой зарабатывать на кусок хлеба для себя и Сосо. Она работала поденно — стирала, убирала, пекла хлеб в домах горожан, а муж теперь появлялся дома только для того, чтобы себя показать, «воспитывая» жену и сына. Жена, по правде сказать, тоже не давала ему спуска, характер был у нее крутой и рука тяжелая. Как-то раз, став свидетелем одной такой родительской драки, десятилетний Сосо кинулся на отца с ножом — и потом несколько дней прятался у соседей.

Еще одной причиной постоянных раздоров в семье было воспитание ребенка. Кеке хотела для сына лучшего будущего, чем у его родителей, а самое лучшее, что могла придумать женщина из простого народа, — это видеть его священником. Она обивала пороги, уговаривала, унижалась и в конце концов сумела устроить мальчика в начальное духовное училище. Это было трудно: мало того, что в училище принимались преимущественно выходцы из духовного сословия, так еще и преподавание здесь велось на русском языке, которого не знала грузинская беднота. Но училищное начальство понимало, что если при поступлении требовать знания русского, то классы будут стоять пустыми, поэтому при училище существовало два подготовительных класса, где детей учили языку. Но Сосо, с самого раннего детства обладавший ве-

ликолепной памятью и восприимчивостью, ускори́л события. Он занимался русским языком с сыном домохозяина и так преуспел в нем, что в 1888 году мальчика приняли сразу в старший подготовительный класс училища.

Однако учиться Сосо пришлось недолго. «Ты хочешь, чтобы он стал митрополитом? — кричал пьяный Виссарион. — Не бывать этому! Я сапожник, и он будет сапожником!» В 1890 году, когда мальчику было десять лет, с ним случилось несчастье — он попал под фаэтон, повредив ноги. Виссарион увез сына в Тифлис, к врачу, но назад не отпустил, а устроил его на ту же фабрику Адельханова, где нашел место и для себя. Сосо мотал нитки, убирал, был на побегушках у старших. Работа от зари до зари в душном цехе вскоре бы, вероятно, доконала слабого здоровьем мальчика, если бы навестить его не приехала мать. Увидев, во что превратился ее обожаемый Сосо, Кеке, потерявшая всякий страх перед мужем, увезла его обратно в Гори. «Выбирай, — зло крикнул на прощание отец сыну. — Или ты остаешься со мной, или едешь с ней, но тогда я знать тебя больше не желаю!»

Все это было так или примерно так: известно, что условие такое было поставлено и что после того, как Иосиф выбрал учение, отец совершенно прекратил помогать им с матерью. Кеке, вернувшись в Гори, всем говорила, что муж ее умер — и на самом деле он перестал существовать для них с сыном. Виссарион все больше пил, опускался и в конце концов 7 августа 1909 года умер от цирроза печени в одной из тифлисских больниц, куда был доставлен из ночлежного дома. Похоронен он на

общественный счет, могилу никто никогда не искал. А на просьбу музея в Гори опознать предполагаемую фотографию отца Сталин — три раза! — даже не ответил...

...И вот после ада тифлисской мебельной фабрики снова Гори, свежий воздух, горы, жаркое лето и промозглая зима. Жили они с матерью в крохотной комнатухе, дверь открывалась прямо во двор. Крыша текла, в доме было холодно, да и голодно тоже. Сосо вернулся в училище, но вскоре над его будущим снова нависла угроза. Как ни мала была плата за обучение — всего-то 25 рублей в год, но и она была не под силу бедной поденщице. И снова Кеке обивает пороги, снова унижается перед богатыми попечителями. Настойчивость матери и еще в большей степени огромные способности мальчика принесли свои плоды: его не только освободили от платы за обучение, но даже назначили небольшое пособие: три рубля в месяц. А когда мальчик подрос и стало ясно, что он обещает стать украшением училища, пособие увеличили до семи рублей — а вдруг мать передумает и заберет его, отправит на работу? Но Кеке и не думала менять своего решения. Сосо должен был стать священником, и он станет священником, на этот счет у суровой матери Иосифа не было никаких сомнений.

Строгая и целеустремленная, Кеке не делала поблажек ни себе, ни сыну. До старости он помнил, как тяжела рука матери. «Почему ты меня так била?» — уже став главой государства и отцом троих детей, спросил он как-то. «Вот ты и вырос хорошим!» — был ответ. Однако мальчик любил

мать и просал ей то, чего не простил отцу. В 1935 году она вспоминала: «Я работала поденно и воспитывала сына. Трудно было. В маленьком темном домике через крышу протекал дождь и было сыро. Но никогда, никогда я не помню, чтобы сын плохо относился ко мне». После того, как Иосиф обосновался в Москве, он приглашал мать переехать к нему, но Екатерина отказалась, оставшись проживать свой век там, где прожила всю жизнь, — в Гори.

Как ни трудно они жили, но мать всеми силами старалась, чтобы сын не чувствовал себя хуже других. Одет он был небогато, но добротнo и чисто, мать даже сделала ему длинный красный шарф — шарф в то время был для детей примерно то же, что сейчас фирменные джинсы: предмет гордости. Постепенно она выучилась на портниху, тогда стало полегче. Одеть и накормить — это то, что могла сделать для него мать, остальное он делал для себя сам.

Вспоминают, что исключительные способности Сосо проявились с самого раннего детства. Всех поражали его память и восприимчивость. Ему не надо было учить уроки — феноменальная память и умение концентрироваться позволяли запоминать все, что говорил учитель, прямо на уроке. Слишком часто в детях исключительный талант компенсируется исключительным же разгильдяйством, однако не таков был Сосо. С самого начала обучения в училище и до конца он оставался неизменно первым учеником, никогда не прогуливал и не опаздывал, а будучи дежурным, неумолимо отмечал все нарушения. Он никому не давал списывать — правда, и не отказывал в помо-

щи. И даже тот учитель, которого дети прозвали «жандармом», сделал его своим помощником. Если бы дело было где-нибудь в России, то такой набор качеств вызвал бы к Сосо всеобщую нелюбовь одноклассников, не терпевших «любимчиков», но не так было в Грузии, где очень развито почитание старших, в том числе и учителей.

Сын глубоко верующей матери, он и сам был очень набожен, никогда не пропускал служб, неукоснительно выполнял церковные правила и следил, чтобы их выполняли другие. Он очень любил петь, легко выучил ноты и вскоре уже помогал регенту училищного хора, иной раз заменяя его. Как лучший чтец в училище, Сосо обучал других чтению псалмов, был главным чтецом и певчим на торжественных молебнах. Первые зерна сомнения заронил в его душу Дарвин. Однажды он сказал одному из товарищей: «Знаешь, нас обманывают, Бога не существует. Прочти-ка эту книгу...» — и дал ему Дарвина. Для неискушенного детского ума книга стала непреодолимым соблазном — попробуй-ка совместить теорию происхождения видов и школьный урок Закона Божия. Правда, рассказывают, что когда король спросил Дарвина, где первое звено его цепочки, великий ученый ответил: «Оно приковано к престолу Всевышнего». Но этого, естественно, в российских переводах конца XIX века не писали, так называемое просвещенное общество больше любого просвещения было озабочено тем, чтобы привить тем, кого оно просвещало, собственные убого-материалистические представления о мире.

Несмотря на маленький рост и плохо действовавшую левую руку, на то, что он был отличником

и помощником учителей, Сосо пользовался популярностью у детей. Он был компанейским, сильным, ловким и всегда стремился быть первым — в играх, в драках, в учебе. В Грузии никто ничего плохого в таком стремлении не видел, наоборот, все эти качества в детях поощрялись, равно как поощрялось и чувство соперничества. Мальчики должны становиться мужчинами, а мужчина должен быть или хотя бы стремиться быть первым.

Однако вскоре Сосо перестал играть с ребятами — появилось новое увлечение, которое захватило мальчика целиком и продолжалось всю оставшуюся жизнь. Это были книги. Теперь на переменах он не участвовал в играх, а сидел в сторонке с книжкой, отделяясь от обращавшихся к нему односложными замечаниями. Вскоре он перечитал все, что мог достать в маленьком уездном городке, получив доступ во все личные книжные собрания...

Жизнь Иосифа, а соответственно и история России могли бы сложиться по-иному, если бы Кеке приняла предложение учителя Гогличидзе, который, перейдя в 1894 году в Тифлисскую учительскую семинарию, предложил матери забрать мальчика с собой и устроить его туда на казенный счет. Однако Екатерина была непреклонна: ее сын должен посвятить себя Богу. В мае 1894 года Иосиф закончил училище и поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Если бы мать знала, куда она отправляет сына, — кто знает, может быть, и приняла бы предложение учителя. Но она не могла этого знать. Для нее семинария была местом, где готовят священников, и только. А на самом деле там давно уже готовили не священников, а революционеров...

Семинария

Отцы Тифлисской семинарии очень пеклись о тишине и благолепии. Порядки в учебном заведении были совершенно иезуитские — надзор строжайший, постоянные обыски, кондуит, карцер, вся жизнь на виду друг у друга и у отцов-наставников. Но на деле выходило не то, о чем мечталось: семинария была первым рассадником крамолы во всем Закавказье, впоследствии из ее учащихся революционные партии черпали свои лучшие кадры. Да и в стенах самого учебного заведения тоже было беспокойно. За несколько лет до описываемых событий семинарист Сильвестр Джибладзе (один из тех, кто впоследствии приохотил Иосифа к партийной работе) ударил ректора за то, что тот назвал грузинский язык «языком для собак». Через год один из бывших семинаристов убил ректора.

В 1893 году семинарию в очередной раз потрясли беспорядки — Сосо узнал о них еще в Гори от своих друзей Ладо Кецховели и Михи Давиташвили. Учащиеся объявили забастовку, на неделю прекратив занятия и предъявив требования: прекратить обыски и слежку, а также уволить нескольких человек из числа особенно не любимых учениками наставников. В ответ 87 человек были отчислены (23 из них высланы из Тифлиса), а семинарию закрыли на год. Занятия возобновились только в 1894 году — как раз в тот год, когда там начал учиться Иосиф Джугашвили. Естественно, отношения между начальством и учениками нисколько не улучшились.

...Привыкший к вольному воздуху гор, в Тифлисе Сосо попал совсем в другой мир. Целые дни юные воспитанники проводили в четырех стенах, на виду друг у друга и у наставников. В семь утра подъем, молитва, утренний чай, потом занятия до двух часов дня. В три часа — обед, в пять — переключка, после которой выходить на улицу запрещалось. В восемь часов вечерняя молитва, затем чай, приготовление уроков и в десять — спать. И так изо дня в день.

Но если бы в этом учебном заведении царил истинно христианский дух, то едва ли такой распорядок стеснял бы Иосифа. Если бы он нашел здесь пищу для своей горячей души, этот пылкий юноша, не знавший алчности, не склонный к разгулу, страстно любивший книги и одержимый жаждой справедливости, мог бы стать одним из подвижников церкви. Но иезуитские порядки в Тифлисской семинарии могли только оттолкнуть от церкви, что в результате со многими воспитанниками и случалось — не зря же из ее стен выходило столько крамольников.

...Сначала Сосо пытался вести себя по-христиански. Те, кто знал его в первый год семинарской жизни, вспоминают, что он был тихим, предупредительным, застенчивым. Однако в мальчишеском коллективе христианские качества ценятся мало, и очень скоро Иосиф вспомнил горийские привычки и стал кидаться на обидчиков с кулаками, пожалуй, и сверх меры. Знакомые того времени говорили про него: «Странный грузин — не понимает шуток. Отвечает кулаками на самые невинные замечания». От хорошей жизни на людей не кидаются...

Он по-прежнему был не силен физически и мал ростом, однако искупал эти недостатки отчаянной храбростью и отвагой в драке. И все же ему приходилось трудно: маленького роста, рябой, с больной рукой, с необычными манерами — а ведь известно, как дети «любят» тех, кто на них не похож. В Гори, где его знали с малолетства и принимали таким, какой он есть, это был нормальный, общительный и дружелюбный мальчик, но теперь, попав в чужую холодную среду, он замкнулся. Однако все преодолимо, горячая, страстная натура взяла свое, и через некоторое время Иосиф стал в семинарии не менее популярен, чем в духовном училище. Отчасти помогли драки, а отчасти и книги...

Чтение светских книг было в семинарии строжайшим образом запрещено, поэтому воспитанники проявляли к ним особый интерес. В Тифлисе существовала народная «Дешевая библиотека», где все они и паслись. Их заставляли за чтением неположенных книг, изымали литературу, записывали в кондуит, сажали в карцер — все тщетно! Чтение занимало у Иосифа все свободное и значительную часть несвободного времени. Успеваемость его начала снижаться, участились записи в кондуитном журнале о том, что он читал неположенную литературу. Его записывали в кондуит, лишали права выходить в город, сажали в карцер — все тщетно, от этого запретный плод становился только слаще и слаще. Этот юноша был не из тех, кого можно сломить подобными наказаниями, — его не смогли сломить и куда более суровые испытания. Он был не то что упорным... в

русском языке существует слово «упертый» — оно точнее.

В своем стремлении к знаниям Иосиф был не одинок. В то время в семинарии существовал ученический кружок, руководимый Сеидом Девдориани, в который осенью 1896 года вступил и Иосиф. Впрочем, изучали они вещи совершенно невинные — художественную литературу и книги по естественным наукам, все разрешенное цензурой, никакой нелегалщины. Но запреты и преследования отцов-наставников даже романам Гюго придавали пряный заговорщицкий привкус.

Тогда же, в семинарии, Иосиф начал писать стихи. Точнее, никто не знает, когда он впервые сложил слова в рифмованные строчки, но после первого курса он решил попытаться счастья и что-нибудь опубликовать. Попытка оказалась более чем успешной: первый же визит в редакцию газеты «Иверия» закончился тем, что юного поэта принял сам Илья Чавчавадзе, крупный грузинский общественный деятель и редактор газеты. Чавчавадзе отобрал для опубликования пять стихотворений. Несколько позже еще одно появилось в газете «Квали».

Если бы не революция, грузинская литература, вполне возможно, пополнилась бы еще одним хорошим поэтом. О качестве первых поэтических опытов Иосифа говорит тот факт, что в 1901 году одно из этих стихотворений было включено в пособие по грузинской словесности, составленное М. Келенджеридзе. В 1907 году другое стихотворение из подписанных псевдонимом «Сосело» было приведено в «Грузинской хрестоматии, или Сборнике лучших образцов грузинской словесности».

А ведь их автору было всего шестнадцать лет! Но вскоре новое увлечение властно вторглось в его жизнь, и написание стихов стало занятием неинтересным. Разве будет мужчина играть в оловянных солдатиков, если ему предлагают настоящую винтовку и боевого коня?

...Первые годы Иосиф учился хорошо, да иначе и нельзя было. Обучение в семинарии отнюдь не было бесплатным. Платить надо было 140 рублей в год (40 рублей за обучение и 100 — за содержание). На казенный кошт принимались лишь сироты или юноши из самых бедных семей и преимущественно духовного звания. Иосиф происходил из самой бедной семьи — беднее некуда! — но не из духовного звания, так что надежды на казенный кошт было мало. Однако мать и в семинарии сумела найти покровителей, и для него сделали исключение. При таком статусе хорошо учиться было просто необходимо. Первый класс он закончил восьмым по успеваемости, второй — пятым.

По поводу того, какое образование получил Иосиф Джугашвили, немало в свое время насмешничали товарищи по партии — те, что были из интеллигенции и кичились тем, что прошли через университетские аудитории. А уж после начала антисталинской кампании и говорить нечего: иного эпитета, кроме «недоучившийся семинарист», никто и не применял. Чем недоучившийся семинарист хуже недоучившегося студента — да пусть бы и доучившегося — совершенно непонятно. Вот, например, Владимир Ильич, за-

Содержание

Часть I. РОЖДЕННЫЙ СВОБОДНЫМ

Гори	11
Семинария	26
Начало	33
Батум. Первый арест	40
Отлученный от революции	51
Коба бросается в бой	55
Като	68
Круговорот тюрем и ссылок	74
Туруханская ссылка	93
Интермедия. НА ГРЕБНЕ ВОЛНЫ	107

Часть II. ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ

Эпоха упорядочивания	139
Надежда	151
Ленин и Сталин	157
От Второго к Первому	171
Дом	181
Вечный большевизм	198
Если завтра война	212

Часть III. ВЛАДЫКА ПОЛУМИРА

Ложь и правда о 22 июня	225
Дети Верховного и война	264
После войны	281
Последний бой Кобы	292
Использованная литература	311